

димости, какую-нибудь нелѣпость,—онъ уже на весь романъ связанъ этой нелѣпостью и долженъ развивать ее во всѣхъ десяти томахъ, какъ бы ни отвратительна казалась потомъ она самому ему!.. Всему злу корень — деньги. Жену Сю платятъ огромныя суммы, и естественно—за это требуютъ, чтобъ онъ работалъ за троихъ. Сколько уже разъ останавливался онъ въ своихъ работахъ, какъ останавливается воловзная лошадь, несмотря на удары кнута, ибо чувствуетъ, что ей надо остановиться и перевести духъ, или сейчасъ же повалиться замертво... Итакъ, здоровье, талантъ, литературная репутація, — все принесено въ жертву деньгамъ! Винить ли его за это?.. Не дай Богъ никому подражать ему, но я не чувствую никакой охоты винить его, тѣмъ болѣе, что и безъ меня за обвинителями дѣло не станетъ... Помоему, тутъ во всемъ виноватъ *fatum*.

Что бы ни писалъ Эженъ Сю, всегда у него есть что-то въ родѣ мысли, какое-то стремленіе рѣшить или по крайней мѣрѣ поставить на видъ какой-нибудь нравственный социальный вопросъ. Въ этомъ отношеніи онъ вѣренъ себѣ и въ двухъ романахъ, которыхъ заглавіе выставлено въ началѣ нашей статьи. Герония перваго романа, Тереза Дюнойе, страстно полюбила величайшаго негодяя, который, нисколько не любя ея, увѣрилъ въ своей любви изъ расчета, потому что женитьбой на ней думалъ поправить свои разстроеныя обстоятельства. Чтобы вѣрнѣе достичь цѣли, онъ обманулъ ее, но когда увидѣлъ, что отецъ прогналъ Терезу и начисто отказался дать ей хоть грошъ, онъ рѣшился изъ состраданія къ ней еще нѣсколько времени обманывать ее. Она видитъ все, страдаетъ, но вѣрить ему со всѣмъ упорствомъ слѣпой страсти и сильнаго характера. Она не перестала страстно любить его и тогда, какъ вполне убѣдилась къ его подлости. Ее любилъ другой, спасъ съ ребенкомъ отъ голодной смерти, привезъ къ себѣ въ замокъ, противъ ея воли, обезпечилъ участь ея ребенка, въ надеждѣ, что она излѣчится, наконецъ, отъ своей несчастной страсти къ негодяю и полюбитъ его; но онъ, несмотря на эту надежду, ничего отъ нея не требовалъ. Тереза видѣла его страданія, сознавала его благородство и достоинство, была ему благодарна, глубоко уважала его, такъ же, какъ ясно видѣла, что первый предметъ ея уродливой любви — мерзавецъ,—и все-таки продолжала любить мерзавца... Мысль вѣрная, но не новая! Ее давно уже прекрасно выразилъ аббатъ Прево въ превосходномъ романѣ своемъ «Манонъ Леско». Еще шире, глубже и полнѣе развилъ эту мысль Жоржъ Зандъ въ одномъ изъ лучшихъ романовъ своихъ «Леонъ Леони».

Тягаться Сю съ такими произведениями, конечно, не подъ силу; но тѣмъ не менѣе романъ его, не будучи художественнымъ созданиемъ, имѣлъ бы свое значительное беллетристическое и литературное достоинство, если бъ въ него, какъ и во всѣ романы Сю, не вмѣшалась мелодрама. Герой романа, баронъ Эвенъ Кереллю, влюбился въ Терезу совершенно фантастически, заочно, т. е. онъ влюбился въ портретъ какой-то женщины, по преданіямъ надѣлавшей много зла его фамиліи, а потомъ влюбился въ Терезу, увидѣвъ, что она, какъ двѣ капли воды, похожа на портретъ. А портретъ—замѣтите—былъ сожженъ въ каминѣ еще въ дѣтствѣ Эвена, а явился вновь по волѣ рока. Къ чему всѣ эти истертыя, пошлыя и тривиальныя «роковыя» пружины, столь обольстительныя для суевѣрія старыхъ бабъ (а не женщинъ, потому что это не одно и то же) да для легковѣрія юныхъ пансіонерокъ? Заключение романа—верхъ нелѣпости и пошлости: помѣшанный рыбакъ, старый суевѣрный бретонецъ, Моръ-Надеръ, искренно считающій себя колдуномъ и предсказателемъ, давно уже предрекалъ Эвену, что онъ погибнетъ въ волнахъ океана въ черный для его фамиліи мѣсяцъ (ноябрь),—и разъ во время прогулки въ лодкѣ по морю едва съ умыслу не утопилъ Эвена за то, что тотъ усомнился въ его дарѣ предсказанія... И вотъ наши несчастныя жертвы любви, послѣ смерти ребенка, рѣшаются въ черный мѣсяцъ оправдать предсказаніе Моръ-Надера — и погибаютъ вмѣстѣ съ нимъ втроемъ... Удивительно эффектно, но это-то и любятъ толпа, а деньги за то и даются теперь, что любить толпа...

Почти на эту же тему написана и «Матильда». Прежде всего это романъ длинный, длинный, длинный, растянутый, монотонный и страшно скучный; потомъ это вообще прѣзлой романъ, хотя въ немъ и встрѣчаются изрѣдка довольно удачныя страницы. «Матильда» предшествовала «Парижскимъ Тайнамъ» и имѣла, хотя и далеко не такой, какъ эти послѣднія, но все же огромный успѣхъ. Кромѣ отсутствія не только художественнаго, просто литературнаго, беллетристическаго достоинства въ изложеніи, въ романѣ этомъ авторъ обнаружилъ рѣдкое непониманіе того, что онъ дѣлалъ и что бы ему должно было дѣлать, чтобъ его произведеніе не вовсе было чуждо правдоподобія и естественности. Изъ своей Матильды онъ силится сдѣлать какой-то идеалъ женщины, что-то въ родѣ героини добродѣтели и страдальцу отъ злобы и развращенія свѣта; а на дѣлѣ выходитъ, что это женщина ограниченаго ума, безъ характера, легковѣрная, скучная и несносная своей навязчивостью въ